

Самарцева
Анна

ЧЕРНЫЙ ЖУЖЕВ
г. Кишинев

- 2 ИЮН 1979

Хорошо, когда тебя понимают...

Отцы и дети — вечная, не стареющая проблема. Она лежит в основе пьесы французского драматурга Марка Жильбера Саважона, по которой Республиканский русский театр им. А. П. Чехова поставил спектакль «Чао!». Современность пьесы, интересные характеры, стремительно развивающееся действие, а главное, узнаваемость конфликтов привлекают зрителя. Сразу скажем, пьеса не претендует на глубокое исследование проблемы. Многое в ней поверхностно, эффективность анализа зачастую уступает место эффектности. Но все-таки повод для раздумий она дает.

Сегодня мне хочется рассказать об одной очень интересной, на мой взгляд, работе в спектакле режиссера Н. Бециса. А именно, о роли Софи Куфисель в исполнении молодой актрисы Аллы Самарцевой.

Дочь «господина президента и генерального директора» влюбилась в простого парня, без солидного капитала и приличной профессии, ибо нельзя же считать профессией «игру» на крышках от сунниц в авангардистском оркестре. Влюбилась с первого взгляда. Как в кино. Но очередной вариации на тему Золушки не состоялось. На сцене нет рождественской розовой сказочки, а есть тернистый путь друг к другу, познание самих себя и отчаянная борьба с окружающим миром взрослых. Вот этот процесс возмужания характера нам кажется наиболее интересным в работе Аллы Самарцевой. В первой встрече с Венсаном (артист В. Черных) она еще полуребенок, застенчивый, но, в тоже время, на удивление смелый. Впечатление, будто она словами прощупывает парня. Так кошка трогает лапкой воздух: то слегка выпуская коготки, то пряча их. Естественно, что Венсан находит ее «забавной», не более того. Им сложно и одновременно просто вместе. Просто потому, что говорят на одном языке, где смысл, порой, бывает прямо противоположен тексту. В предфинальной сцене герои обмениваются колкостями, выменяют друг друга, и мать Венсана, освоившая их «марсианский» язык, переводит:

«Они говорят друг другу: я люблю тебя! Я люблю тебя!».

Сложно героям, потому что в том мире, в котором они живут, наступила инфляция слов. Только поступки определяют ценность и, главное, истинность человека. И юная Софи переходит для Венсана из ряда «забавных» в разряд личностей только тогда, когда она эти поступки совершает. Зрителей увлекает генезис этих поступков, их душевная история. Самарцева очень точно показывает, что за внешней мягкостью и уступчивостью Софи кроется железный характер.

В этом смысле ключевой является сцена ее откровенного разговора с отцом (заслуженный артист республики В. Бурхарт). Софи взбунтовалась. Она не хочет жить по сценарию, сработанному отцом. Его ценности ей чужды. У Самарцевой это не бунт ненависти и неприязни. Нет. Она пытается достучаться до разума и сердца человека, который является ее отцом, объяснить все, не столько словами, в ко-

торых не искушена, сколько протестом своей души. И мы видим, как постепенно приходит к ней горечь от невозможности пробиться сквозь броню привычных установок отцовского мира. Горечь и бессилие. Оно и в тональности, и во всей печальной фигурке, столь слабой и хрупкой по сравнению с «громовержцем» Куфиселем, и в то же время непоколебимой в своих убеждениях Софи. Актриса очень точно доносит до зрителя, что поступок (отказ благополучному жениху) — не каприз, не блажь, а воистину бунт

АКТЕРЫ И РОЛИ

личности. Бунт против заведенного порядка, против чужих нравственных ценностей. И когда взбешенный отец дает ей пощечину, она рыдает не от боли и даже не от обиды, а от того, что переживает драму непонимания. Именно тут особенно остро сознаешь, что если хочешь понять детей своих, то необходимо сделать шаг им навстречу, попытаться понять, стать на их точку зрения. А для начала хотя бы выучить «марсианский», как это сделала мать Венсана мадам Мартина (заслуженная артистка МССР М. Бабкина).

При всей внешней браваде, смелости слов, Самарцева показывает нам свою героиню легко ранимой, способной на отчаянный поступок, если речь идет о защите своего достоинства. Эта внутренняя, подспудная работа ее души выявлена настолько явственно, что зритель как бы предвосхищает последующие ее поступки. Он тоже постигает «марсианский» и научается различать за словами скрытый подтекст.

Успех Аллы Самарцевой в роли Софи Куфисель несомненен. И если можно в чем-то

упрекнуть актрису, то разве в излишней сентиментальности, иногда переходящей в слезливость. В такие моменты ее героиня становится несколько

однообразной, а поступки ее не всегда оправдаными.

Актёрская судьба Аллы Самарцевой складывается на

редкость счастливо. Она занята в театре во многих основных ролях. Поэтому и спрос с нее большой. А работа в «Чао!» доказывает, что у актрисы есть еще большие неиспользованные резервы. Так надо пустить их в дело!

М. ГОЛЕР.

НА СНИМКЕ: Алла Самарцева в спектакле «Чао!».

Фото Г. Макареску.

69